

А.Г. Румянцев

Санкт-Петербургский университет

Английская аристократия на пороге Нового времени

Если вопрос о роли феодальной знати в жизни средневековой Европы вообще принадлежит к числу живо обсуждаемых в современной историографии, то специфика социальной истории позднесредневековой Англии придает данному аспекту проблемы дополнительную значимость.

В литературе давно и прочно утвердилось представление о том, что английская аристократия в XV в. пережила серьезную трансформацию: о том, что в ходе Войны Роз старая знать была истреблена и ее место заняли выходцы из рядов среднего и мелкого дворянства, писали Т.Б. Маколей, У. Стеббс, У. Дентон и др.¹ Ф. Энгельс, говоря о феодальной смуте XV в., заключил, что «к счастью для Англии, старые феодальные бароны перебили друг друга в войнах Алой и Белой розы»² (это мимоходом брошенное замечание многократно будут потом повторять советские медиевисты).

В XX в. эта идея получила дальнейшее развитие как в английской, так и в отечественной историографии. Многие историки, рассматривая эволюцию английской знати XV века в общем контексте проблемы генезиса абсолютизма, пытались выяснить, какова причинно-следственная связь между ослаблением политических позиций старой аристократии и усилением роли нового дворянства как опоры формирующейся абсолютной монархии. В вызвавшей в 70–80-е гг. XX в. широкий резонанс дискуссии о «тюдоровской революции в управлении» Д. Элтон, как ему представлялось, доказал своими исследованиями³, что становление абсолютистской формы государства началось лишь в эпоху Генриха VIII, тогда как его ученик и оппонент Д. Старки полагал, что перестройка управления, связанная с постепенным укреплением позиций джентри, началась уже при Эдуарде IV⁴. Точка зрения последнего преобладает и в новейшей литературе, о чем свидетельствуют работы Дж. Гая⁵, Дж. Деволда⁶, Э. Така⁷.

Андрей Георгиевич Румянцев, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета; специалист по истории Англии XV в. E-mail: rumyantzev@mail.ru

¹ Маколей Т.Б. Англия и Европа. Избранные эссе / Пер. с англ. СПб., 2001. С. 31; Stubbs W. The Constitutional History of England. Oxford, 1878. Vol. 3. P. 181–182; Denton W. England in the 15th century. L., 1888. P. 120.

² Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 309.

³ Elton G. 1) England under the Tudors. Cambridge, 1953; 2) Reform and Reformation: England 1509–1558. L., 1977 и др. См. также: The King's councilors in Fifteenth-century England by Brown A.L. // Transactions of the Royal Historical Society. L., 1969. Vol. 19. P. 95–119.

⁴ Starkey D.R. Tudor Government: the Facts // Historical Journal. 1988. Vol. 31. №4.

⁵ Guy J. Tudor England. Oxford, N. Y., 1989. P. 4–5.

⁶ Dewald J. The European Nobility, 1400–1800. L., 1996.

⁷ Tuck A. Crown and Nobility. England 1272–1461. 2nd ed. Oxford, 1999.

Но спор далеко не окончен. Ряд английских исследователей отрицал и отрицает тотальную гибель знати в ходе Войны Роз⁹, но в целом можно утверждать, что в зарубежной историографии продолжает доминировать тезис о вымирании старых аристократических семей на закате средневековья.

В отечественной литературе, которая, как известно, уделяла и уделяет значительное внимание социально-политической истории средневековой Англии, вопроса о судьбах английской знати в XV в. так или иначе касались многие ученые. Так, согласно Е.А. Косминскому Эдуард IV, опираясь на буржуазию и новое дворянство, подавлял и истреблял феодальную аристократию, сумев из главы одной из феодальных клик стать основоположником английского абсолютизма, а Тюдоры продолжили политику Йорков, опираясь на те же общественные группы⁹. М.А. Барг датировал начало разгрома старой мятежной аристократии Войной Роз, а его завершение — правлением первых двух Тюдоров¹⁰ и т.д. Концепция, согласно которой старая знать к концу XV в. была истреблена и ее место заняла новая, нашла свое крайнее выражение в работах Е.В. Кузнецова, полагающего, что уже в последней четверти XV в. джентри доминировали в хозяйственной и политической жизни¹¹.

Следует отметить, что исследователи, когда пишут о гибели большей части знати в Войне Роз, о формировании Эдуардом IV новой аристократии, происходившей из среды среднего и мелкого дворянства и т.п., чаще всего оперируют отдельными примерами. Встречающиеся в работах цифровые данные бывают довольно разноречивы. Данные о численности знатных семей порой подменяются сведениями о том, сколько лордов заседало в Верхней Палате парламента, хотя, как известно, заседать там могли и хотели далеко не все носители титулов. Вообще, складывается впечатление, что в литературе нет достаточной ясности в вопросе о количественных характеристиках процесса, а без этого любые концептуальные построения остаются не более чем гипотезами.

Чуть ли не единственной попыткой детально проследить динамику процесса все еще остается фундаментальный труд К. Макфарлейна, увидевший свет в 1973 г. Ученым было предпринято комплексное исследование с целью выявить характер социальных процессов, наблюдаемых в среде позднесредневековой английской знати. Самого факта постепенного вымирания старой аристократии К. Макфарлейн не отрицал, но выступил против объявления Войны Роз основной причиной этого явления, указав на значение иных факторов и на то, что процесс начался задолго до второй половины XV в. Попутно он подверг критике положения У. Стеббса, противопоставлявшего анархии XV в. «новую монархию» Тюдоров, и доказывал, что Генрих VII не стал зачинателем английского абсолютизма, а, напротив, «был средневековым королем», который по методам управления не отличался от своих предшественников, в частности от Эдуарда IV¹². В целом же, подобно своим предшественникам, ученый пришел к выводу, что «старые» аристократические семьи к концу XV в. уступили место новой знати.

⁹ *Olyphant T.L.K.* Was the Old English Aristocracy destroyed by the War of the Roses? // *Transactions of the Royal Historical Society.* 1872. Vol. I. P. 351–356; *Rosenthal J.T.* Nobles and Noble Life. 1295–1500. L., 1973. P. 26–28; *Holmes G.* England in the Later Middle Ages. L., 1974. P. 160–161; *Lander J.R.* The Wars of the Roses. L., 1974. P. 27–28; *Gillingham J.* The Wars of the Roses. Peace and conflict in the 15th century England. L., 1981. P. 2–4; *Guy J.* Tudor England. P. 7–8.

⁹ *Косминский Е.А.* Вопросы аграрной истории Англии XV века // *Он же.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 174–175.

¹⁰ *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 69–70.

¹¹ См. напр.: *Кузнецов Е.В.* Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в.: (К проблеме возникновения английского абсолютизма): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1959.

¹² *McFarlane K.* The Nobility of later medieval England: The Ford lectures for 1953 and related studies. Oxford, 1973. P. 287.

К. Макфарлейном были предприняты достаточно подробные подсчеты численности знатных семей в XIV–XV вв.¹³ Эти выкладки по смерти ученого были обнаружены в его бумагах, и издатели присоединили их к тексту лекций К. Макфарлейна. Для наглядности эти цифровые данные сведены нами в таблицу 1 (где жирным шрифтом выделена информация о появившихся в течение данного периода новых аристократических семьях).

Вероятно из-за того, что К. Макфарлейн не успел подготовить свои выкладки к печати, остается не вполне ясным, на какой материал он опирался и какой методикой пользовался в своих подсчетах. Во всяком случае, исследователь исходил из того, что 136 аристократов, заседавших в Палате лордов в 1295 и 1299 гг. — это главы 136 семей. На наш взгляд, это число могло быть несколько заниженным, поскольку, как уже отмечалось выше, далеко не все носители титулов заседали в Палате лордов. В разряд вымерших ученых записывал семьи, в которых либо вообще не оставалось наследников (что встречалось достаточно редко), либо титул переходил по женской линии и, следовательно, уходил в семью мужа наследницы. В случае же перехода титула от прямой мужской к боковой мужской линии семейная ветвь, по его мнению, не обрывалась. В целом же он исходил из посылки, что появление новых семей возможно только за счет проникновения нетитулованных дворян в среду знати¹⁴.

Подсчеты К. Макфарлейна прочно вошли в научный оборот и не подвергались сомнениям, о чем свидетельствует, к примеру, труд Дж. Деволда¹⁵. Но спорным представляется сам принцип, положенный историком в основу подсчетов, поскольку он игнорирует возможность отпочкования семейных единиц от уже существующих знатных семей. Всегда ли можно считать наследника отцовского титула и его младшего брата, который приобрел титул — путем удачной женитьбы или преуспев на королевской службе, — членами одной семьи? Тем более — следует ли включать в единую семью подраставших со временем их сыновей и внуков?

Действительно, изучение процессов в среде английской аристократии позднего средневековья и раннего нового времени позволяет говорить о доминировании «большой семьи», объединявшей всех или хотя бы многих кровных родственников при сохранении традиционного типа брачности¹⁶. Однако существование «большой семьи» не исключало конфликтов между ближайшими родственниками, которые в среде знати нередко носили политический характер. Событийная история Англии XV века наглядно демонстрирует раскол подобных семей, непримиримую вражду между ее представителями, которые в ходе Войны Роз примыкали к разным политическим лагерям. Это соображение лишний раз заставляет говорить о необходимости, уточнив методику подсчетов, проверить выкладки К. Макфарлейна, относящиеся к XV в.

В качестве источника исходной информации о титулованной знати позднесредневековой Англии нами использованы материалы многотомного «Полного состава пэров», изданного Дж. Кокейном в 1887–1898 гг.¹⁷ Этот свод охватывает всех английских, шотландских и ирландских носителей титулов с древнейших времен до конца XIX века. Сведения о них систематизированы в алфавитном порядке титулатуры. Биографические данные о каждом из персонажей снабжены указаниями на источники информации.

¹³ *McFarlane K.B. The Nobility...* P. 172–175.

¹⁴ *Там же.* P. 172.

¹⁵ *Dewald J. The European Nobility...* P. 17.

¹⁶ *Stone L. The Crisis of the Aristocracy. 1558–1641.* Oxford, 1965. P. 270–272; *Hollingsworth T.H. Historical demography.* N. Y., 1969. P. 208, 314, 383–384. *Wrigley E.A., Scofield R.S. The population history of England 1541–1871: A reconstruction.* Cambridge, 1981.

¹⁷ *Complete peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom extant, extinct or dormant / Ed. by Cockayne G.L., 1887–1898. Vol. I–VIII (далее — СР).*

**Перемены в составе английской знати XIV—XV вв.
(по К.В. Макфарлейну)**

Годы	1300— 1324	1325— 1349	1350— 1374	1375— 1400	1400— 1424	1425— 1449	1450— 1474	1475— 1499	К 1500
Общее число семей к началу каждого из периодов	136	145	147	126	102	73	73	81	61
В т.ч. семей, восходящих к XIII веку	136	100	79	61	47	33	25	21	16
1300—1324	60 НОВЫХ	45	34	22	14	7	6	4	4
1325—1349	—	47 НОВЫХ	34	19	14	10	6	4	4
1350—1374	—	—	29 НОВЫХ	24	15	11	8	6	4
1375—1399	—	—	—	17 НОВЫХ	12	6	3	2	1
1400—1424	—	—	—	—	11 НОВЫХ	6	2	2	2
1425—1449	—	—	—	—	—	25 НОВЫХ	23	14	11
1450—1474	—	—	—	—	—	—	22 НОВЫХ	18	11
1475—1499	—	—	—	—	—	—	—	10 НОВЫХ	8

В целом за период от династического переворота, приведшего к власти Генри Ланкастера, до первых месяцев правления Генриха VII, т.е. за 1399—1485 гг. у Дж. Кокейна зафиксировано 335 английских аристократов — носителей титулов. При этом, по возможности, дается информация о дате и месте рождения и крещения аристократа, его возрасте к моменту вступления в права, годе смерти и месте погребения, а нередко и о других деталях биографии: указывается время вступления аристократа в брак, происхождение жены и т.п. Отмечается повторное замужество вдовы аристократа и сословная принадлежность ее нового мужа, год смерти жены лорда и место ее погребения. В некоторых случаях Дж. Кокейном приводятся генеалогические древа знатных семей. В тех случаях, когда наследственные права переходили от деда к внуку, в биографию последнего включены сведения о безвременном умершем отце. О носителях высших титулов имеются более полные данные, тогда как информация о баронах и тех нетитулованных дворянах, что вошли в состав знати, более лаконична.

Исходным пунктом наших подсчетов служит переворот Ланкастеров 1399 г. То обстоятельство, что в литературе вопроса особое значение придается тем переменам в составе знати, какие были связаны с династическими переворотами XV века, и в особенности — с Войной Роз, продиктовало необходимость отступления от группировки материала, которой придерживался К. Макфарлейн, подразделявший рассматриваемый им период на равные 25-летние отрезки. Промежуток 1399—1485 гг. подразделяется нами по династическому принципу: 1399—1422 гг. (т.е. от переворота Ланкастеров до смерти Генриха V); 1422—

1461 г. (время царствования Генриха VI); 1461–1483 г. (правление Эдуарда IV) и 1483–1485 г. (царствование Ричарда III) и, наконец, первые месяцы правления Генриха VII.

К «старой» знати мы причисляем как старшие ветви, существовавшие к 1399 г., так и обзаведшиеся титулами младшие ветви старых фамилий, которые отпочковались на протяжении XV в., а к «новой» — появившиеся в 1400–1485 г. семьи выходцев из нетитулованного дворянства и отделившиеся от них младшие ветви. Случалось, что семья уже владела титулом, но теряла его, а затем восстанавливала. Говоря о таких семьях, мы считаем, что они входили в состав знати с момента первой креации — т.е. со времени дарования королем титула.

Итоги статистической обработки материалов «Полного состава пэров» представлены в таблице 2. Для каждого из периодов отмечено общее число семей, пополнивших ряды знати. Внутри этого числа (жирным шрифтом в круглых скобках) обозначено число семей — выходцев из нетитулованного дворянства. В последующих столбцах в строке показано изменение числа «новых» семей, а данные о младших ветвях старых аристократических родов присоединяются к соответствующим данным о семьях старой знати. Курсивом приведены данные о семьях, восстановленных в правах, а также семьи, вымершие или лишенные титулов в течение каждого периода.

Таблица 2

Перемены в составе английской знати XV в.

Годы правления	Генрих IV Генрих V	Эдуард IV	Генрих VI	Ричард III	Первые месяцы Генриха VII	К 1486
Число семей к началу периода	87	72	72	57	51	59
В т.ч. семьи, сущ. к 1399 г.	87	67	51	37	34	40
Прибыло за 1399–1422 гг.	16 (8)	5	8	6	6	6
Прибыло за 1422–1461 гг.	—	29 (16)	13	8	5	8
Прибыло за 1461–1483 гг.	—	—	19 (8)	6	6	5
Прибыло за 1483–1485 гг.	—	—	—	—	11	
<i>В т.ч. семьи, восстановл. в правах</i>	3	—	4 (2)	—	11 (3)	
<i>Убыло семей</i>	31 (3)	29 (3)	34 (11)	6 (3)	3 (1)	
<i>В т.ч. изгнанных</i>	—	—	16 (4)	3 (3)	3 (1)	

Из таблицы 2 следует, что за 1399–1486 г. общее число семей сократилось с 87 до 59, т.е. на 32%, тогда как по данным К. Макфарлейна в течение 1400–1500 г. оно уменьшилось на 40% (со 102 до 61 семьи). Правда, следует отметить, что избранные нами хронологические рамки чуть уже, чем у исследователя. При этом, по нашим данным, из 87 семей старой аристократии до 1486 г. дожило 40 (46%), т.е. семьи «старой» знати понесли не столь значительный урон, как следует из данных К. Макфарлейна, который считал, что из 102 семей, существовавших к 1400 г., к 1500 г. уцелело лишь 29 (т.е. 28%). Значит, к концу XV в., по нашим подсчетам, семьи старой знати составляли две трети от общего числа семей, тогда как согласно К. Макфарлейну — менее половины.

Мы ориентировались на У. Стеббса, полагавшего, что «старыми» аристократами были те, кто входил в состав знати к 1399 г., тогда как «новой» — вошедшие в нее в течение XV в.¹⁸ Однако возможен и другой подход. Иногда к

¹⁸ Stubbs W. The Constitutional History of England... Vol. 3. P. 181–182.

«новой» причисляют лишь тех, кто попал в состав знати во второй половине XV в., в ходе Войны Роз¹⁹. К. Макфарлейн предлагал ориентироваться на давность креации, полагая, что «новыми» являются семьи, попавшие в состав знати за последние полвека²⁰. Рассуждение достаточно резонное — за этот срок новые креатуры, очевидно, успевали достаточно прочно войти в состав знати и обзавестись нужными связями. Если же принять подобную точку зрения, то при анализе структуры английской аристократии в момент прихода к власти Тюдоров к старой знати следует отнести всех тех, кто вошел в состав аристократии не только при Плантагенетах, но и, по крайней мере, при первых двух Ланкастерах. В таком случае подавляющее число семей (46 из 59), существовавших к началу правления Тюдоров, имели более чем полувековой стаж пребывания в среде знати.

Каковы были причины убыли семей? Прежде всего проверим гипотезу о том, что она была вызвана гибелью многих аристократов как в Столетней войне, так и во внутренних смутах XV века. Из 335 учтенных нами английских аристократов в них погиб примерно каждый четвертый (88 человек). Потери по периодам распределялись неравномерно, падая преимущественно на время политических переворотов и всплеск мятежей, а также на время активизации Столетней войны²¹. В целом за 1399–1422 гг. погибло 34 человека, за 1423–1454 гг. — 4 человека, и за годы Войны Роз (1455–1485 гг.) — 50 человек.

Какова же степень корреляции между персональными потерями и состоянием знати как целого — если последнее выражать в числе семей? Если в ходе Столетней войны и междоусобиц XV века в 88 случаях носители титулов погибли насильственной смертью, то обрыв мужской линии или полное угасание рода по этой причине произошел только в 23 семьях. В период 1399–1422 гг. насильственная смерть аристократов была причиной исчезновения 6 (из 31 вымершей за эти годы семьи)²², в 1423–1454 гг. 4 (из 22 семей)²³, а в годы Войны Роз (1455–1485 гг.) — 13 (из 35 семей)²⁴.

Как видно, на три десятилетия Войны Роз пришлось более половины от общего числа погибших за 1399–1485 гг. аристократов и исчезновение 57% семей, угасших по причине гибели главы семьи. Этот вывод подтверждает и без того общезвестный факт, что Война Роз (как, впрочем, и другие политические потрясения XV в.) привела к большему числу потерь в среде английской аристократии. Однако в целом доля семей, вымерших из-за насильственной смерти их глав, была не столь значительной, как это принято считать в историографии.

¹⁹ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV века... С. 36; Золотов В.И. Английское общество накануне Войны Роз. Брянск, 1995. С. 69–70.

²⁰ McFarlane K.V. The Nobility... P. 144.

²¹ Такими периодами стали времена установления и укрепления династии Ланкастеров (1399–1408), возобновления Столетней войны при Генрихе V (1415–1422), а также всплески Войны Роз: (1455–1461, 1469–1471, 1483–1485 гг.)

²² Вымерла одна из ветвей дома Ланкастеров — семья Томаса герцога Кларенса, две семьи Холландов, родственников Ричарда II, представленные Томасом герцогом Сурреем и его братом Эдмундом графом Кентом, а также семья Томаса Уирмигя, барона Бардолфа, Эдуарда барона Чарлтона из Пууса и Джона Олджасла, барона Кобэма.

²³ Вымерли две ветви дома Ланкастеров, представленные Джоном герцогом Бедфордом и Хамфри герцогом Глостером, семья Томаса Монтаю, графа Солсбери и Уильяма барона Маленса.

²⁴ Вымерла старшая, последняя, ветвь Ланкастеров, представленная королем Генрихом VI, а также Эдмунда Бофора, герцога Сомерсета, Генри Холланда герцога Эксетера и Роберта барона Хангерфорда. Почти полностью был истреблен королевский дом Йорков (т.е. старшая ветвь, представленная детьми Эдуарда IV, семьи Эдмунда графа Ратленда и Ричарда III). Исчезли семьи Ричарда Невилля, графа Уорвика, родственника дома Йорков, и Томаса Перси, барона Эгремонта. Также вымерли семьи Ричарда барона Уэллеса, Хамфри Стаффорда из Хоука, графа Девона, Хамфри Бурше, барона Кромвела и Джона барона Уэнлока.

Очевидно, ссылок на смуты XV в. явно недостаточно для того, чтобы объяснить наблюдаемую убыль аристократических родов. Историками предложен ряд дополнительных объяснений. Дж. Розенталь связывает угасание ряда средневековых аристократических семей с эпидемиями, в частности с чумой²⁵. Фактор этот, разумеется, присутствовал. Но эпидемии в течение XV века постепенно ослабевали²⁶ и, по-видимому, не могли играть большой роли в уменьшении числа семей. На это обратил внимание К. Макфарлейн, напомнив, что в XV в., смертность от эпидемий снижалась по сравнению со второй половиной XIV в., т.е. с годами самых жестоких эпидемий²⁷. Сам К. Макфарлейн счел одной из причин угасания аристократических семей тот факт, что часто молодых девушек выдавали замуж за пожилых людей и такой брак не давал потомства²⁸. Однако замечание о бесплодии неравных по возрасту супругов противоречит его же достаточно обоснованному утверждению, что бездетных семей было очень мало²⁹.

Значительное влияние на процесс, по-видимому, оказала действовавшая в Англии правовая норма, согласно которой после смерти аристократа его титул при отсутствии сыновей наследовала дочь. Наши подсчеты показывают, что в течение 1399–1422 гг. из 31 вымершей семьи в 21 случае (т.е. в 68%) титул перешел по женской линии, тогда как в 1423–1460 гг. таковых было 19 из 29 семей (т.е. 65%), а в 1461–1485 гг. 8 из 27 семей (т.е. 30%). Эти данные подтверждают наблюдение К. Макфарлейна, что в первой четверти XV в. переходы титула по женской линии были особенно частыми, и это обстоятельство играло большую роль в том, что знатные семьи сходили со сцены³⁰.

Вообще, причины наблюдаемой убыли семей были различными. Главное же — в этом отношении период Войны Роз не так уж сильно отличался от первой половины XV в.

При всех спорах о судьбе знати в эпоху Ланкастеров и Йорков важнейшим является вопрос: кто же приходит на смену угасавшим старым аристократическим семьям? Как говорилось выше, в литературе утвердилось мнение, что во второй половине XV в. большая часть старой знати вымерла и ее место заняли представители «нового дворянства». Предполагается, что нетитулованные дворяне составляли значительную часть креатур уже при Эдуарде IV, формировавшем якобы из них опору своего трона. Следуя такой историографической традиции, новое издание университетского учебника утверждает, что Эдуард IV, «жестоко расправившись с баронами-ланкастерцами и не доверяя баронам-йоркистам, приближал к себе людей из среднего слоя рыцарства, раздавая им титулы и владения»³¹. Еще дальше идет Е.В. Кузнецов, уверяя, что уже к 1471 г. «произошло резкое, еще более заметное ослабление магнатства. В партии победителей уже преобладали выходцы из неродовитых слоев»³².

Для проверки подобных утверждений пригоден материал того же «Полного состава пэров». Он позволяет судить о социальном происхождении тех, кто попал в среду знати во второй половине XV в.

²⁵ *Rosenthal J.T. Nobles and the Noble Life...* P. 90.

²⁶ В течение XV в. наблюдались вспышки эпидемий (чума 1407 г., грипп в 20-х гг. XV в., шесть эпидемий в 30–40 гг. столетия, эпидемии чумы в 1450–1470 гг.), но ближе к концу XV в. они пошли на спад: наблюдались лишь волны простудных заболеваний и несколько эпидемий чумы — в 1471–1474, 1479–1480 и в 1485 гг. (См.: *Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500)*. Chicago, 1948. P. 201.)

²⁷ *McFarlane K.B. The Nobility...* P. 169–171.

²⁸ *Ibid.* P. 143.

²⁹ *Ibid.* P. 172.

³⁰ *Ibid.* P. 146; *Ross Ch. The Wars of the Roses...* P. 151.

³¹ История средних веков / Под ред. Карпова С.П. М., 1997. Т. 1. С. 364.

³² *Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV века...* С. 26.

Эдуард IV за 22 года своего правления (1461—1483 гг.) возвысил 27 человек. Из них лишь 8 были выходцами из среды нетитулованного дворянства (при этом двое — Хамфри Стаффорд из Хоука и Джон Уэнлок — вскоре погибли, не оставив потомства). Но ровно столько же нетитулованных дворян — и за такой же срок — вошло в состав знати при первых двух Ланкастерах (1399—1422) — при том, что тогда общее число креатур было меньше (21 против 27 при Эдуарде IV). При Генрихе же VI было 45 креаций, и нетитулованные дворяне составили треть — 16 человек. Правда, не следует забывать, что, во-первых, правление последнего Ланкастера длилось почти четыре десятилетия, а во-вторых, при немощном Генрихе VI придворные группировки сменяли друг друга, и каждая клика, придя к власти, возвышала своих сторонников.

Те нетитулованные дворяне, что вошли при Эдуарде IV в состав знати, давно служили дому Йорков. Трое из них занимали ключевые посты в «хаусхолде» Ричарда герцога Йорка: Уильям Гастингс из Гастингса являлся гофмейстером, Уолтер Блаунт — казначеем, а Уильям Герберт был управителем уэльсских владений³³. Еще четверо (Хамфри Стаффорд из Хоука, Роберт Огль и Уолтер Девере из Боденхема — верные сторонники Ричарда герцога Йорка, а также Джон Уэнлок, приближенный Маргариты Анжуйской, перешедший в 1460 г. на сторону Йорков) сражались на стороне Эдуарда IV, помогая ему взойти на трон³⁴. Этим семи новоиспеченным лордам, к которым впоследствии, в 1470 г., добавился Джон Говард, ставший при Ричарде III герцогом Норфолком, достались конфискованные владения аристократов — сторонников Ланкастеров и их титулы. Так, Уильям Гастингс из Гастингса, возведенный в титул барона Гастингса из Гастингса, получил бывшие владения графа Уилтшира, виконта Бомона и барона Роза в центральных графствах, Уильям Герберт, став графом Пембрукком, — владения в Южном Уэльсе, а Хамфри Стаффорд из Хоука приобрел титул и владения опальной семьи Кортни графов Девонов³⁵.

Большинство креаций при Эдуарде IV касалось знатных семейств, и прежде всего ближайшего окружения короля. Особую группу среди креатур составили королевские родственники — два его сына, Эдуард и Ричард, получившие титулы герцогов Корнуолла и Йорка соответственно, его младшие братья Джордж и Ричард, ставшие соответственно герцогами Кларенсом и Глостером, дяди короля из семьи Невиллей: Джон и Уильям (умерший без наследников в 1463 г.), возведенные в звание герцога Бедфорда и графа Кента соответственно, и третий его дядя Генри Буршье, ставший графом Эссексом. Особо следует сказать о возвышении Вудвиллей. Отец будущей жены Эдуарда IV Ричард был простым сельским рыцарем и служил у Джона герцога Бедфорда, но благодаря браку с Жакеттой, овдовевшей герцогиней Бедфорд, он еще при Генрихе VI стал бароном Вудвиллем³⁶. Впоследствии Ричард, как тесть Эдуарда IV, стал графом Риверсом, брат Элизабет Энтони — бароном Скейлсом, двоюродный брат ее первого мужа Эдмунд Грей из Ратина — графом Кентом, а сын Элизабет от первого брака Томас — маркизом Дорсетом. Кроме своих родственников Эдуард IV приближал и кое-кого из бывших сторонников Ланкастеров: из числа изгнанных семей три были восстановлены в правах: в 1462 г. Джону, сыну Уильяма герцога Саффолка, после женитьбы на сестре Эдуарда IV был возвращен титул отца (и более того, его сыну Джону в 1467 г. был пожалован титул графа Линкольна), а в 1469 г. Генри Перси получил

³³ CP, Vol. IV. P. 185—186; Vol. V. P. 398—399; Vol. IV. P. 206—207.

³⁴ CP, Vol. III. P. 3; Vol. III. P. 31; Vol. VII. P. 222; Vol. VIII. P. 89.

³⁵ Lander J.R. Government and community: England 1450—1509. Cambridge, 1980. P. 227—228.

³⁶ CP, Vol. VI. P. 371. См. также: Scofield C.L. The capture of Lord Rivers and Sir Anthony Woodville in 1460 // English Historical Review. 1922. Vol. XXXVII. P. 253—270; McGibbon D. Elisabeth Woodville (1437—1492). L., 1938; Lander J.R. Marriage and Politics in the 15th Century: The Nevilles and the Wydevilles // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1976. Vol. 36. P. 137—149 и др.

титул графа Нортумберленда. Носивший ранее титул графа Нортумберленда, Джон Невилл в качестве компенсации стал маркизом Монтакю. Был также восстановлен в правах Ричард барон Уэллес (однако в 1469 г. за участие в мятеже против Эдуарда IV он был казнен и не оставил потомства). Прочие же креатуры — это тоже аристократы, получившие дополнительные титулы по праву своих жен-наследниц.

Значит, речь скорее может идти о раздаче Эдуардом IV титулов своим родственникам, фаворитам и членам «хаусхолда», т.е. о вполне традиционной политике любой династии. В свое время Ланкастеры придерживались подобной же практики: высшие титулы получили, наряду с членами королевского дома, представители семей Бофоров и Тюдоров, близких родственников правящей династии³⁷. Во время завоевания Генрихом V Нормандии в 1415–1420 гг. выдвинулись Уильям Буршье, ставший графом Э, и Джон Грей из Поуиса, получивший титул графа Танкериля³⁸. Блестящую карьеру при Ланкастерах сделали Типтофты: Джон, служа в «хаусхолде» Генриха IV, в 1425 г. стал бароном Типтофтом, а его сын Джон — известный ученый, гуманист и политический деятель — был возведен Генрихом VI в 1449 г. в титул графа Вустера³⁹. В свою очередь, Генрих Тюдор, придя к власти, сразу же продолжил практику своих предшественников: Томас барон Стенли, отчим нового короля, получил титул графа Дерби, а дядя короля, Джаспер Тюдор, имевший до воцарения Йорков титул графа Пемброука, стал герцогом Бедфордом⁴⁰.

Откуда же пошло убеждение, что старая знать была истреблена в годы Войны Роз, а при Эдуарде IV «на верхних этажах политической элиты уже преобладают выходцы из неродовитых слоев дворянства»⁴¹? Судя по всему, оно восходит к временам Йорков и Тюдоров.

О том, как реагировали современники, можно судить по мемуарам Филиппа де Коммина. Сповиджник Людовика XI, не являясь непосредственным очевидцем кровавой смуты, был зато заинтересованным и неплохо информированным наблюдателем. Приступив в 1489 г. к сочинению мемуаров, он счел нужным уже в самом их начале рассказать о борьбе Ланкастеров и Йорков, в которой «все представители дома Варвика и Сомерсета погибли в сражениях или были обезглавлены... Таким образом, насколько мне помнится, в этих английских междоусобицах погибло 80 человек из королевского рода», — заключает свой рассказ Коммин, пояснив: «некоторых из них я знал лично, а о других слышал от англичан»⁴². Любопытно, что он, считая Ричарда III убийцей своих племянников, виновником смерти герцога Кларенса называет Эдуарда IV, хотя, как известно, вскоре молва и это преступление припишет Ричарду. В ходе дальнейшего повествования мемуарист снова вернется к английским делам. Он еще более подробно расскажет о «многих сеньорах Англии», «которые сначала убивали своих врагов, а затем, когда наступал подходящий момент, дети последних мстили им и убивали их самих». Видя в этом «руку божественного правосудия», Коммин подчеркивал, что в Англии «злая судьба преследует... особенно знать»⁴³. В «Мемуа-

³⁷ Как известно, Джон, Томас и Генрих Бофоры, незаконные сыновья Джона Гонта, отца Генриха IV, стали графом Сомерсетом, герц. Эксетером и епископом Винчестерским соответственно, а Эдмунд и Джаспер Тюдоры, незаконные сыновья Екатерины Французской, матери Генриха VI, получили титулы графов Ричмондов и Пемброуков соответственно (подробнее см.: *Гриффитс Р.А., Роджер Т.* Становление династии Тюдоров / Пер. с англ. Ростов-на-Дону, 1997. С. 64–70).

³⁸ *CP*, Vol. II. P. 292; Vol. IV. P. 99.

³⁹ *CP*, Vol. VII. P. 401–402.

⁴⁰ *CP*, Vol. III. P. 68; Vol. I. P. 295.

⁴¹ *Минеева Т.Г.* Дайджест политической жизни в Англии 1360–1500 гг. // Англия и Уэльс в период позднего средневековья / Под ред. Кузнецова Е.В. Арзамас, 1999. С. 30.

⁴² *Филипп де Коммин.* Мемуары / Пер. Малинина Ю.П. М., 1986. С. 28–29.

⁴³ Там же. С. 216.

рах» уже звучит и тема прихода к власти в Англии людей недостаточно знатного происхождения. О Генрихе VII — при всей протекторатской позиции автора — сказано: «Господь очень быстро послал королю Ричарду врага, у которого не было ни гроша за душой и, как кажется, никаких прав на корону»⁴⁴. Очевидно, Коммин, говоря о потерях, понесенных английской знатью, имел в виду прежде всего «людей из королевского рода», высших аристократов, придворную элиту.

И другие современники событий XV в. весьма эмоционально воспринимали перемены при королевском дворе и, говоря о гибели родовитой знати, имели в виду прежде всего ее высший, близкий к трону слой. Так, неизвестный бенедиктинский монах, продолжатель хроники Кройлэндского аббатства, писал, что «распря, возникшая между Генрихом VI и Ричардом герцогом Йорком... разрешилась смертью почти всех нобилей королевства»⁴⁵. Схожую трактовку происходящему в среде английской аристократии даст вскоре Полидор Виргилий (1470–1555). Итальянец родом из Урбино, обосновавшийся в Англии с 1502 г., он в 1533 г. представил королю «Английскую историю» — первый, по словам О.Л. Вайнштейна, научный труд, охватывающий всю историю страны, начиная с древнейших времен и кончая правлением Генриха VIII⁴⁶. При освещении событий последней трети XV в. кроме английских хроник и документов Полидор использовал рассказы современников. Очевидно, опираясь на них, он вкладывает в уста графа Уорвика — «делателя королей» — многозначительную фразу: Эдуард IV «гораздо больше оказывает почта новым джентльменам, чем древним знатым домам, поэтому либо знать должна его уничтожить, либо он уничтожит знать»⁴⁷.

Утверждению такого рода представлений в национальной памяти не в последнюю очередь способствовал Шекспир своей трагедией «Ричард III». Фактический материал был взят им из труда Томаса Мора «История Ричарда III», использованного и Полидором. Шекспиrom также привлекалась хроника Рафаэля Холлиншеда⁴⁸. Драматург вложил в уста королевы Маргарет, обращающейся к Томасу Грею, пасынку Эдуарда IV, сыну Элизабет Вудвилл, многозначительные слова: «Молчите, маркизенок! Наглы вы! / Ваш новый герб едва лишь установлен / Судить ли может новое дворянство / О горе тех, кто потерял его? / Тот, кто высоко, вихрем всем подвержен / И, падая, он вдребезги разбит!»⁴⁹. Как видно, историки нового и новейшего времени приняли на веру суждения писателей конца XV–XVI вв. По утверждению Дж. Гиллингема, «мнение о Войне Роз и сегодня базируется на пьесах Шекспира и на их телестановках»⁵⁰.

Если современники Войны Роз и первые ее историки бывали шокированы и возмущены проникновением выскочек во властные верхи, то теперь многие исследователи видят в новоявленных аристократах — выходцах из среды мел-

⁴⁴ Филипп де Коммин. Мемуары. С. 249.

⁴⁵ «In these recent times sprang up between our lord, king Henry the Sixth and Richard, the most illustrious duke of York, those dissensions, never sufficiently to be regretted, and never henceforth allayed: dissensions indeed, which were only to be atoned for by the deaths of nearly all the nobles of the realm» // Anonymous. Croyland Chronicle, 1452–1486 / Ed. by Pronay N. and Cox J. L., 1986. Pt. II. — Цит. по <http://www.r3.org/bookcase/croyland/croy2.html>

⁴⁶ Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М., 1964. С. 427.

⁴⁷ «Resolutely maketh more honorable account of new upstart gentlement than of the ancient howses of nobyltye; whereof either must the nobyltye destroy him or els hewyll destroy them» // Three Books of Polydore Vergil's English History, comprising the Reign of Henry VI, Edward IV and Richard III from an early transaction / Ed. by Ellis H. L., 1844. P. 119.

⁴⁸ Gillingham J. The Wars of the Roses... P. 4–5.

⁴⁹ «Peace, master marquis, you are malapert / Your fire — new stamp of honour is scarce current / O, that your young nobility could judge / What't were to lose it, and be miserable! / They that stand high have many blasts to shake them / And if they fall they dash themselves to pieces». Shakespeare W. King Richard III / The Works of William Shakespeare. L., 1900. Vol. 6. P. 28. Русск. пер.: Шекспир У. Ричард III (Пер. А. Радловой) // Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 3. С. 467.

⁵⁰ Gillingham J. The Wars of the Roses... P. 2–3.

кого и среднего дворянства — носителей хозяйственного и социального прогресса, приходящих на смену отжившей свой век феодальной знати.

Социально-экономическую подоплеку предполагаемой гибели старой английской знати историки склонны были искать в социально-экономических изменениях XV в. В частности, М. Постан и ряд других ученых сочли, что манориальный кризис ударил прежде всего по крупным феодальным вотчинам, составлявшим основу позднесредневековой английской экономики. В аграрном секторе Англии разразился кризис, а некоторое укрепление экономических позиций мелкого и среднего дворянства не улучшало общей ситуации в стране⁵¹. В свою очередь, такие знатоки вопроса, как Е.А. Косминский и М.А. Барг, считали, что кризис доменiallyной системы, задевший в большей степени крупных феодалов, привел к концу XV в. к усилению экономических и политический позиций средних и мелких феодалов в обществе⁵². Как видно, по проблемам экономической жизни английского общества XV в. до сих пор не утихают споры, и у самих дискуссионщиков порой нет уверенности в собственной правоте. Не случайно тот же Е.А. Косминский, указывая на сложность вопроса об экономическом положении старой аристократии, сам то говорил о борьбе старой феодальной знати и буржуазно перерождающихся классов⁵³, то отмечал, что, наряду с рыцарством и джентри, успешную коммутацию ренты осуществляли крупные феодалы северных графств⁵⁴.

Проникновение средних и мелких дворян в среду знати в течение XV в., особенно в период Войны Роз, нередко рассматривается как показатель того, что к власти приходят не просто «новые лица», т.е. отдельные удачливые выходцы из рядов нетитулованного дворянства, а именно выразители интересов этого общественного слоя.

Так, в работах Е.В. Кузнецова настойчиво проводится мысль, что в Англии «рост прогрессивных сил (выделено нами. — А.Р.) в политической жизни происходил по мере ослабления экономических позиций старого дворянства и физического истощения немалой части его представителей. В последней четверти XV века старая английская аристократия уже потеряла господствующее положение в государственном аппарате, зато резко увеличилось и в хозяйственной, и в политической жизни значение нового дворянства»⁵⁵. Эту мысль развивает Т.Г. Минеева, по мнению которой, к 1471 г. «баронство фактически потеряло свое прежнее положение в государстве», и «на верхних этажах политической элиты уже преобладают выходцы из неродовитых слоев дворянства... На смену баронскому «классу» к власти приходят более демократические слои английского феодального класса в лице среднего и мелкого дворянства», так, что «в последние тридцать лет XV в. страной стали управлять джентри — отчасти по родству, отчасти из-за изменения менталитета наиболее трезвомыслящих представителей древних родов»⁵⁶. При этом исследовательницей никак не доказана «демократичность» выскочек из рядов нетитулованного дворянства, и

⁵¹ Postan M.M. The Fifteenth century (Revisions in Economic History) // Economic History Review. 1939. Vol. IX. №2. P. 161–167; 2) The Medieval Economy and Society. An Economic History of Britain in the Middle Ages. L., 1973. P. 188–212; Pugh T.B., Ross C.D. Materials for the Study of Baronial Incomes in Fifteenth-Century England [Essays in Bibliography and Criticism] // Economic History Review. 1954. Vol. XXIV. №2. P. 185–195; Carus-Wilson E.M. Evidences of Industrial Growth on Some Fifteenth-Century Manors // Economic History Review. 1959. Vol. XXIX. №2. P. 190–206; Dyer Ch. A Redistribution of Incomes in Fifteenth-Century England // Past and Present. 1968. №39. P. 11–33; Elton G. England under the Tudors... P. 8–9.

⁵² Косминский Е.А. Вопросы аграрной истории Англии XV века. С. 156, 166–167; Барг М.А. 1) О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV вв. // Вопросы истории. М., 1960. №8. С. 109, 112–113; 2) К вопросу о разложении феодализма в Западной Европе // Вопросы истории. М., 1963. №3. С. 85–87.

⁵³ Косминский Е.А. Вопросы аграрной истории Англии XV века. С. 174–175.

⁵⁴ Там же. С. 165.

⁵⁵ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV века... С. 36.

⁵⁶ Минеева Т.Г. Дайджест политической жизни в Англии... С. 30.

читатель остается в недоумении, кто же эти «наиболее здравомыслящие представители древних родов», что с готовностью уступили свое место джентри.

В качестве аргумента, подтверждающего доминирование выходцев из среды джентри в социально-политической жизни Англии второй половины XV в., Е.В. Кузнецов ссылается на формирование при Эдуарде IV «абсолютистского аппарата» — Советов Севера и Запада, на реорганизацию при первом Йорке государственного финансового ведомства, что приводило к проникновению на высшие административные посты «незнатных людей», и особенно на изменение состава Королевского Совета: «если в начале XV в. решающее влияние на политику оказывали численно преобладавшие в нем магнаты, то в начале правления Генриха VII — нетитулованные дворяне»⁵⁷.

В центральных государственных органах при Эдуарде IV и Ричарде III действительно было меньше аристократов, чем во времена Генриха VI, а к временам Генриха VII джентри в Королевском Совете численно преобладало⁵⁸. Однако можно ли проникновение нетитулованных дворян в высшие органы власти трактовать как безусловное свидетельство доминирования джентри в политической жизни Англии?

По-своему примечателен тот довод, к которому прибегает Т.Г. Минеева: она полагает, что Вудвилли, занимавшие главенствующие позиции в Советах Севера и Запада в конце правления Эдуарда IV, являлись «типичными представителями среднего дворянства»⁵⁹. Прежде всего никак нельзя не отметить, что блестящая придворная карьера Вудвиллей, еще недавно — простых рыцарей, все же являлась исключением. Во-вторых, не видно оснований полагать, что они в своей политике защищали интересы мелкого и среднего дворянства. «Типичность» Вудвиллей если в чем и проявлялась, то как раз в том, что родственники королевы Элизабет достаточно быстро постарались забыть о своем скромном происхождении и превратились в вельмож. Это семейство скорее следует рассматривать как очередную придворную клику, схожую с теми группировками старой знати, которые управляли страной при Ланкастерах. Другое дело, что сама родовитая аристократия их отторгала — что отразилось, если верить Шекспиру, в вышеприведенных словах королевы Маргарет. К Вудвиллям, которые занимали главенствующее положение при дворе Эдуарда IV, всецело относится наблюдение Л. Стоуна о том, что нетитулованные дворяне, ставшие аристократами, не являлись выразителями интересов своей прежней социальной группы и что происходит их аристократизация⁶⁰. Как убедительно доказывал ученый, знать в конце XV в. и далее, в начале XVI в., несмотря на значительные персональные перемены, в той или иной степени сохраняла свой средневековый характер и свои аристократические идеалы⁶¹. Л. Стоун полагал, что «изменение ситуации произошло при Генрихе VIII — этот монарх значительно пополнил ряды знати за счет джентри, создавая так называемую «тюдоровскую аристократию»⁶².

Параллельно с этим в литературе дебатруется другой, не менее сложный вопрос: наблюдается ли прямая причинно-следственная связь между истреблением феодальной знати (или — в смягченном варианте — утратой ею политического веса) и становлением английского абсолютизма? Спор идет прежде всего о том, когда (и в чем) проявились элементы новой государственности, когда модель средневекового государства уступает место модели абсолютистской.

⁵⁷ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV века... С. 30.

⁵⁸ Davies C.S. Peace, print and Protestantism: 1450–1558. L., 1977. P. 110–111.

⁵⁹ Минеева Т.Г. Дайджест политической жизни в Англии 1360–1500 гг... С. 29.

⁶⁰ Stone L. The Crisis of the Aristocracy. 1558–1641. Oxford, 1965. P. 23.

⁶¹ Ibid. P. 24.

⁶² Stone L. The Crisis of the Aristocracy... P. 48–50. См. также: Дмитриева О.В. Английское дворянство XVI — начала XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: Границы сословия / Под ред. Ведюшкина В.А. М., 1997. С. 16; Она же. Политические структуры и абсолютизм: Англия. // История Европы: В 8-ми т. М., 1993. Т. 3. С. 163.

Зачастую главным, едва ли не единственным признаком абсолютизма выступает при этом усиление королевской власти, а поскольку оно с трудом поддается измерению, идет бесконечный спор о том, правление какого из монархов открывает собой новую эпоху. В свое время У. Стеббс противопоставлял средневековой анархии XV в. «новую монархию» Генриха VII⁶³. У. Дентон также полагал, что фундамент абсолютизма заложил Генрих Тюдор, и называл его «более диктатором, чем конституционным правителем»⁶⁴. В свою очередь, Дж. Тревелиян⁶⁵ и Дж. Майерс⁶⁶ доказывали, что отдельные элементы абсолютистского правления были свойственны еще Эдуарду IV. Подобной позиции придерживался С. Краймс: касаясь проблемы формирования английского абсолютизма, исследователь характеризовал Эдуарда IV как короля, заложившего основы «новой монархии», тогда как основное достоинство Генриха Тюдора, по его словам, заключалось в умении воспринять все наилучшее в методах управления Ланкастеров и Йорков⁶⁷. Параллель между этими двумя монархами проводил и К. Макфарлейн, но при этом делал диаметрально противоположный вывод, полагая, что Генрих VII, повторявший политику своего предшественника, Эдуарда IV, был «типичным средневековым королем»⁶⁸. Исследуя сущность и характер административно-политических преобразований первой трети XVI века, Дж. Элтон доказывал, что Генрих VII не был зачинателем английского абсолютизма, а просто копировал методы управления Эдуарда IV, и лишь в эпоху Генриха VIII началось становление абсолютистской формы государственности, опирающейся на бюрократический аппарат⁶⁹. Эту позицию поддержал Дж. Ландер⁷⁰. По словам Дж. Гиллингема, политика первых Тюдоров ничем не отличалась от методов управления своих предшественников: «Неверно, что первые Тюдоры проводили политику, направленную на ослабление аристократии. Вынужденные организовывать управление на местах, они зависели от лордов так же сильно, как и их предшественники. Генрих VII не создал большого числа новых пэров, но так же поступил и Эдуард IV после 1471 г., равно как и Ланкастеры до 1437 года»⁷¹. Д. Элтону оппонировал Д. Старки, доказывавший, что первые этапы формирования абсолютизма следует отнести к временам правления Эдуарда IV, когда началась эволюция управления, связанная с возвышением джентри⁷².

В целом вопрос о степени проникновения джентри в бюрократический аппарат и об его влиянии на политическую жизнь Англии XV в., как и о времени формирования английского абсолютизма, остается дискуссионным. По-видимому, более правы Дж. Элтон и его сторонники, полагая, что во второй половине XV в. почва для появления подлинной абсолютной монархии еще не была готова и можно говорить лишь о начале складывания отдельных черт абсолютного правления. Здесь многое еще требует дополнительных изысканий. Однако с уверенностью можно утверждать, что неправомерен тот упрощенный подход к этим сложным проблемам, когда исходным пунктом всех построений оказывается тезис об истреблении старой знати. Собственно говоря, он являет собой своего рода историографическую aberrацию, которую породили отдельные блестящие карьеры нетитулованных дворян в XV в. (прежде всего самих Тюдоров) вместе со

⁶³ *Stubbs W.* The Constitutional History of England... Vol. 3. P. 181–182.

⁶⁴ *Denton W.* England in the 15th century... P. 125.

⁶⁵ *Trevelyan G.M.* History of England. N.Y., 1953. Vol. 1. P. 348.

⁶⁶ *Myers A.R.* England in the Late Middle Ages... P. 181–182.

⁶⁷ *Chrimess S.B.* Lancastrians, Yorkists and Henry VII. L., 1964. P. 125, 165–166, 178.

⁶⁸ *McFarlane K.B.* The Nobility... P. 283.

⁶⁹ *Elton G.* England under the Tudors. Cambridge, 1955. P. 10–11, 160–180. См. также: Reform and Reformation: England 1509–1558. L., 1977; и др.

⁷⁰ *Lander J.R.* Government and community: England, 1450–1509. Cambridge, 1980. P. 44–46, 331–332.

⁷¹ *Gillingham J.* The Wars of the Roses... P. 255–256.

⁷² *Starkey D.* Tudor Government: the Facts // Historical Journal. 1988. Vol. 31. №4.

столь же впечатляющим крахом карьер ряда родовитых аристократов. Персональные перемены, которые происходили в верхних эшелонах власти при очередном династическом перевороте, воспринимались и воспринимаются многими историками как свидетельство структурной перестройки в рядах всей знати, т.е. преувеличиваются и масштабы, и, главное, глубина перемен.

При всей драматичности кровавых эпизодов, какими изобилует эпоха Ланкастеров и Йорков, как показано было выше, старая знать отнюдь не сошла со сцены. Сами перипетии борьбы за трон, развернувшейся между Ричардом III и Генри Тюдором, наглядно демонстрируют тот факт, что сила аристократических группировок не иссякла. Победа Генри Тюдора, графа Ричмонда привела, помимо всего, и к восстановлению в правах многих аристократов — представителей старой знати. Титулы были возвращены Джону де Веру, графу Оксфорду, Уильяму виконту Бомону, Генри барону Клиффорду, Эдмунду барону Розу, Эдуарду Кортни, графу Девону и Эдуарду Стаффорду, герцогу Бекингему. В общей сложности к 1486 году 40 семей старой знати сосредоточили в своих руках три четверти всех титулов. При всех потерях, какие понесла за столетие старая знать, к концу XV в. ряд семей — такие как Стаффорды, Перси, Де ла Поли, Фиц-Элены, Беркли, Грей из Ратина, по-прежнему оставались в числе знатнейших и могущественнейших фамилий.

В целом, как представляется, есть основания утверждать, что социально-политические потрясения XV в., и в частности Война Роз, не привели к вытеснению старой знати. По-прежнему значительное число знатных семей было связано родственными узами со старой, уходящей своими корнями в XIV в., аристократией. Можно полагать, что большинство обретших титулы нетитулованных дворян находились либо в отдаленных родственных связях со старой знатью, либо были обязаны ей своей карьерой⁷³.

Отношения между старой и новой знатью складывались по-разному. Потесненные старые роды отторгали выскочек, но по существу не наблюдается значительных различий в социально-политическом статусе этих двух слоев. Нет убедительных доказательств тому, что при Йорках выходцы из мелкого и среднего дворянства, попав в верхи общества, занимали принципиально иную, чем представители старой знати, политическую позицию. Что же касается судеб старой знати, то можно уверенно утверждать, что в целом тезис об ее вымирании, так прочно вошедший в историографию и используемый чуть ли не как главное доказательство радикальности перемен в верхних эшелонах английского позднесредневекового общества, на деле порожден мифом.

Summary

The article is devoted to the evolution of the English Aristocracy in the 15th century. It deals with the problems of social and personal transformations of the aristocracy from 1399 to 1485.

Firstly, the author stresses the fact that the old aristocracy, formed in the Plantagenet dynasty, was not destroyed during the War of the Roses and a lot of old families were maintained in the beginning of the Tudor reign.

Secondly, the article considers the thesis of making the new aristocracy during the reign of Edward IV and it is argued that the formation of the new aristocracy must be dated from the 16th century.

In conclusion, the author affirms the thesis that on the eve of the Tudor dynasty the old aristocracy was maintained as a real political force.

⁷³ У Дж. Кокейна отмечено, что Филипп барон де Диспенсер, получивший титул в 1396 г., был одним из внуков младшего сына Хьюго Диспенсера графа Вустера. Но этот случай — единственный для конца XIV—XV вв. из зафиксированных в «Полном составе пэров».